

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АНТИУТОПИИ*

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде.

Н.А. Бердяев

В условиях непростых процессов модернизации российского общества все более осознается необходимость социально-философского и социологического анализа сложного и противоречивого процесса трансформации всех образующих его элементов, важное место среди которых занимают регионы страны. Многочисленными исследованиями, проведенными в последнее десятилетие в России в целом и ее регионах, установлена глубокая региональная дифференциация социокультурных процессов в нашей стране. Как элементы общего социально-территориального устройства России, все ее регионы имеют ряд одинаковых черт, представляя собой диалектическое единство общего и особенного. Последнее проявляется в ряде специфических черт, присущих каждой из административных территорий страны. Подобные черты достаточно эффективно выявляются в процессе сравнительных межрегиональных исследований. Однако они далеко не всегда эффективно учитываются в реальной управленческой практике.

Работы российских ученых убедительно показывают, что протекающие в нашей стране социокультурные процессы отнюдь не всегда способствуют модернизации российского общества¹. К числу факторов торможения модернизации в современной России наиболее часто относят несовершенство социальных институтов и своеобразии ценностного сознания ее населения. Нельзя не вспомнить и «ресурсное проклятие», которое до сих пор довлеет над Россией. На наш взгляд, рассматривая то общее, что присуще социальным изменениям в нашей стране, важно обратить внимание на циклически повторяющееся состояние социокультурной системы. Оно выступает серьезным препятствием на пути эффективной модернизации, а также новой индустриализации нашего общества. В данном случае речь идет об антиутопии. Анализируя социокультурные изменения

* Исследование осуществлено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)», грант № 13-03-00379а.

(в том числе – в региональном аспекте), целесообразно рассмотреть их через призму дихотомии: утопия – антиутопия.

Методология и методика исследования

Методологической основой настоящей статьи выступает антропосоциокультурный подход, разработанный Н.И. Лапиным и развитый в публикациях его коллег². В некоторых аспектах он дополнен постнеклассическим универсумным подходом в социологии, развиваемым автором данной работы и представителями его научной школы³. Следует отметить, что постнеклассическая социология во многом отражает тенденции развития современной науки, подробно раскрытые в философских работах академика РАН В.С. Стёпина и других авторов⁴.

Для эмпирических исследований использована типовая методика, созданная в рамках Программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель – д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Н.И. Лапин). Сотрудниками кафедры социологии Сибирского федерального университета были разработаны дополнительные индикаторы и инструментарий с учетом специфики данной темы, основанные на сочетании количественных и качественных методов сбора данных.

В статье использованы материалы опросов населения Красноярского края, которые проводились методом полупоформализованного интервью по выборке, репрезентированной по возрасту, полу, уровню образования и месту жительства (2010 г. – 1000 респондентов, 2011 г. – 1250, 2012 г. – 1300, 2013 г. – 100 глубинных интервью с жителями региона, 2015 г. – 1350)⁵.

Утопия и антиутопия как социокультурные феномены

Социологическое и философское осмысление данной проблематики является традиционным для мировой науки. Большинство авторов сходятся во мнении, что сущность утопии заключается в описании ряда основополагающих черт идеального социума (общества, государства). Напротив, антиутопии характеризуют некие нежелательные для определенной части жителей страны характеристики общественного бытия. Однако независимо от отношения к ним тех или иных групп населения, утопия и антиутопия неотделимы друг от друга как объективно сменяющие одна другую ситуации единого диалектического социокультурного процесса. На наш взгляд, квинт-эссенцию социокультурных аспектов модернизации можно рассматривать как переход от антиутопии к утопии, как процесс институализации последней, причем этот процесс может быть как успешным, так и неудачным. Соответственно специфика различных утопий и

антиутопий выражается в их ценностном содержании. В целом же можно предположить, что то или иное ценностно-смысловое содержание определяет картину мира в массовом сознании, социальные ожидания населения и его образ желаемого будущего. Все это в конечном итоге способствует изменениям в социальных структурах, институтах и процессах, происходящих в обществе, в котором реализуется утопия или ее антипод – антиутопия. Соответственно, социум, в котором осуществляется утопия, активно развивается, в то время как общество, несущее в массовом сознании печать антиутопии, склонно к стагнации и деструктивным процессам. В настоящее время многие развитые страны, которые с переходом к «информационному» обществу по большей части избавились от системы консервативных ценностей, находятся в ситуации антиутопии.

Трудно не согласиться с французским историком и социологом Ж. Дюво (1903 – 1958), согласно которому «можно без преувеличения утверждать, что утопия составляет суть любой социальной теории»⁶. Как считает Ф. Аинса – известный исследователь латиноамериканской культуры (род. 1939) исходные образы и архетипы утопии трансформируются в процессе развития социологии и политологии. Вместе с тем утопическая функция всегда остается категорией сознания и как таковая ориентирует человека на поиски элементов, отсутствующих в настоящем⁷. Тем самым инициируются процессы индивидуальной и социальной трансформации. Историю движут общественные идеалы, выраженные в утопиях, поэтому «исчезновение утопии создаст статичную вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь»⁸.

Социальную утопию можно представить как яркий, привлекательный образ, который нередко скрывает ее неприглядный, но неизбежный антипод – антиутопию. Каждый из этих элементов выполняет свою функцию: собственно утопия способствует развитию данной системы, ее распространению, приспособлению утопических идеалов к традициям того или иного социума. Антиутопия выполняет функцию сохранения системы в конкретном социуме, когда уже наступило массовое разочарование в содержании данного утопического проекта, в его ценностях и идеалах. Антиутопия, зачастую под маской вытесняемой ею утопии, приносит ей на смену иные ценности и нормы, не меняя сути самой утопической системы в целом; массовое сознание социума и методы действия его руководителей так и остаются утопическими. Поэтому, безусловно, прав В.В. Штепа, по мнению которого, если утопия основана на позитивном стремлении к прямому воплощению своего трансцендентного идеала, то антиутопия сосредоточивается на негативе – борьбе со всевозможными «врагами» и «ересями», чем постоянно отодвигает «светлое будущее» за недостижимый горизонт, а по сути, предает и обесмысливает его⁹. В этой связи трудно не вспомнить слова П. Сорокина, давшего четкую

характеристику одного из важнейших элементов собственно утопии: «...люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа»¹⁰.

Согласно образному замечанию Ю.Д. Смирновой, «утопия является нашим помощником, честно, без прикрас описывающая человека и его сущность. Она не только покажет тебя таким, какой ты есть, но и предложит пути выхода из кризисного положения. Поэтому можно утверждать, что утопия несет в себе важные положительные моменты, которые нельзя оставить без внимания. Во-первых, утопия рисует образ идеального мира, предвосхищает общество после кризиса, дает прогноз будущего, один из вариантов возможного развития. Во-вторых, наблюдая крах веры в настоящем, утопист продуцирует новую веру, новый идеал. И, в-третьих, как писал П. Рикёр, утопия формирует альтернативные пути жизни, расширяет наш кругозор»¹¹.

Переход от утопии к антиутопии осуществляется в момент обретения ее сторонниками реальной власти: утопия отступает на задний план, оставаясь частью официальной идеологии. Теперь систему презентует уже антиутопия. Например, христианство было социальной утопией, но, достигнув реальной власти, стало антиутопией. Обретя статус официальной религии, западное христианство лишилось своего утопизма и приобрело статус антиутопии, одним из ярких проявлений которой была деятельность «святой» инквизиции.

В России с начала 1990-х гг. была институционализована *либерально-демократическая утопия*, с ее недостижимыми идеалами всеобщего процветания, основанного на стремлении к обогащению и безудержному потреблению, не ограниченному никакими морально-этическими нормами. В 1996 — 1998 гг. в относительном, весьма противоречивом и неустойчивом равновесии в общественном сознании сосуществовали *либерально-демократическая утопия* и *неолиберальная антиутопия*.

Наступление антиутопии можно исчислять с момента дефолта (август 1998), который привел к массовому падению жизненного уровня и люмпенизации немалой части людей, поверивших в притягательные лозунги и ценности либерально-демократической утопии. Произошел резкий переход от утопии с ее радужными надеждами на экономическое процветание и прогресс демократии в мрачную реальность антиутопии с перспективами существования страны как сырьевого придатка развитых стран, когда на фоне бедности и деприваций масс процветают узкие слои коррумпированного чиновничества и связанной с ним компрадорской буржуазии.

Думается, сейчас целесообразно делать вывод о начале перехода к новой утопии, который уже более четко и объективно проявился в 2014 — 2015 гг. Значительно более активными и самостоятельными

ми стали действия государства на мировой арене. Внутри страны мы наблюдаем процессы перехода к реальной борьбе с коррупцией и оформившееся противостояние сторонников «евразийско-патриотического» вектора развития России с активными носителями принципов и идеалов «либерально-западной» антиутопии и приверженцами их реализации в социальной практике.

Российские регионы через призму «утопии – антиутопии»

Уже общим местом является констатация того факта, что Россия состоит из большого числа регионов, которые различаются по многим параметрам. Одной из серьезнейших проблем нашей страны является несбалансированность социокультурных процессов в различных ее регионах, в том числе – несбалансированность социокультурной модернизации, неоднократно отмеченная в работах Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой и их коллег¹². Эта неравномерность и выражает существующую в них асинхронность процессов перехода от антиутопии к утопии, и наоборот. Зачастую это происходит хаотично, без использования адекватных управленческих воздействий со стороны государства. Как верно подчеркивает Н.И. Лапин, «государство не осуществляет целенаправленное воздействие на модернизацию как комплексный процесс. Напротив, наблюдается в основном инерционный, отчасти вручную корректируемый рост социоэкономической квазимодернизации, без технико-технологического, социокультурного и институционально-регулятивного развития страны и ее регионов»¹³. На наш взгляд, это является одним из весьма негативных факторов, влияющих как на содержание самой утопии, так и на сроки ее институализации.

Подобная асинхронность смены антиутопии утопией чревата нарушением социальных связей как между отдельными регионами, так и между более крупными территориями страны. Это может привести к социальной катастрофе.

С нашей точки зрения, современное реальное модернизационно-инновационное развитие страны и есть не что иное, как процесс перехода от антиутопии к утопии. Между тем ему активно препятствуют два фактора: «Первый, определяющий фактор, – пишет Н.И. Лапин, – олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, обслуживающей интересы глобального бизнеса и препятствующей инвестированию доходов в инновационное развитие России. Это результат нецивилизованной, коррупциогенной приватизации природных ресурсов и крупнейших промышленных комплексов, свидетельство цивилизационной незавершенности постсоветской трансформации России. Вторым основным фактором служит фундаменталистско-либеральная экономическая политика правительства, которая стала главным условием длительного со-

хранения первого фактора»¹⁴. Логично возникает вопрос: к какой социально-утопической модели ведет этот нелегкий, противоречивый переход современного российского общества?

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере одного из крупнейших регионов России – Красноярского края. Либерально-демократическая социально-утопическая модель, согласно нашим исследованиям, проводившимся в регионе с начала 1990-х гг., присутствовала только на *вербальном уровне сознания у населения*, за счет неустойчивых мифов, распространяемых СМИ. Она не опиралась на какие-либо устойчивые концепты, существующие в массовом бессознательном населения страны и ее регионов. В последующие годы распространенность либерально-демократических ценностей сокращалась. Аналогичные процессы происходили во всех регионах страны; по результатам исследований, распространенность либеральных ценностей с 1995 по 2005 г. снизилась в 2,5 раза – с 25% до 10%¹⁵. В соответствии с анализом данных социологических опросов, в массовом бессознательном населения региона уже в 2005 г. сформировался единый авторитарно-государственный синдром, отвергающий коммунистическую идеологию. Соответственно происходила замена ценностей либерально-демократической утопии на ценности соответствующей антиутопии. Со временем сформировалась взаимосвязь этой социально-антиутопической модели с тягой части населения к стремительному обогащению и нравственной вседозволенности.

Проведенные эмпирические исследования в Красноярском крае, дают основание предположить, что реализованная в нашей стране антиутопия создает в массовом сознании элементы феодальной и даже рабовладельческой модели, которые могут институализироваться в авторитарной политической системе.

Каковы же ее основные черты? Сравним результаты опроса, проведенного нами в 2001 г. методом формализованного интервью среди 960 работающих жителей Красноярского края по репрезентативной выборке с данными, полученными нами в 2015 г.¹⁶ Жителям региона был задан вопрос: в какой мере Вы согласны со следующим суждением: «Все “начальники” заботятся в первую очередь о собственном благополучии». В 2001 и 2015 гг. 96% и 97% опрошенных соответственно полностью или частично поддерживали это суждение. Полную или частичную солидарность со следующим суждением: «Большинство рядовых работников трудятся в силу необходимости, не задумываясь об интересах предприятия» – выразили в 2001 г. 93%, в 2015 г. – 94% опрошенных. Как видим, мнение населения региона является очень устойчивым, не меняясь в течение 15 лет. Можно предположить, что одна из основных черт институализированной в нашей стране антиутопии – антагонизм между «власть имущими» в любых сферах общества, или элитами, с одной стороны, а с другой – «массами» ря-

довых тружеников. И, думается, что это и есть сущность той модели, которая будет реализована в нашей стране.

О противоречивости оценок в общественном сознании социокультурных изменений в нашей стране свидетельствуют ответы на вопрос: «Какая, на Ваш взгляд, социально-политическая система соответствует российской специфике?» В 2012 г. наиболее популярным был вариант ответа: «демократия западного типа» — 33%, в 2015 г. его выбрали уже 44% респондентов. «Государство, существующее в России в настоящее время» в качестве ответа на этот вопрос отметили в 2012 г. 30% опрошенных, а в 2015 г. он набрал 55% сторонников. Если «система советского типа» имела в 2012 г. 7% приверженцев, то через четыре года она набрала уже 25%. Но почти в три раза уменьшилась доля сторонников авторитарного режима: с 22% до 8%. Непривлекательной осталась модель религиозного государства: соответственно, 3% и 2% опрошенных.

Итак, к важным чертам нарождающейся в нашей стране утопии, судя по изменениям в массовом сознании жителей Красноярского края за последние три года, относится доминирование того типа государства, которое существует у нас в настоящее время (глубинное интервью с респондентами показало, что этот вариант ответа, как правило, выбирают люди с государственно-патриотической ориентацией), произошел рост ориентаций на демократию западного типа при одновременном четырехкратном увеличении доли сторонников системы советского типа, а также заметном уменьшении сторонников авторитарной власти. Можно предположить, что из указанных элементов и будут складываться основные конструкты будущего общественного устройства в нашей стране.

Как известно, любая социальная утопия представляет собой диалектическое единство общего и индивидуального. В данном случае можно говорить, что социально-политическая система являет собой общее, в то время как важным показателем ее индивидуальных элементов выступает образ желаемого будущего у населения. В 2011 г. жителям региона был задан вопрос: «Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?» В качестве обязательного элемента своего будущего 66% опрошенных назвали хорошую семью, 22% — материальный достаток. В 2015 г. эти цифры заметно изменились: соответственно 69% и 54%. Материальный достаток в образе желаемого будущего жителей края переместился на 2-е ранговое место. Можно предположить, что стремление к нему у значительной части населения будет одним из важнейших элементов нарождающейся в стране утопии.

Рассуждая о социокультурных характеристиках утопии, институализирующейся в нашей стране, обратимся к известной типологии, представляющей две дихотомические цивилизации. Вот как характе-

ризует их канд. экон. наук А.В. Щербаков. В основе присваивающей цивилизации лежит оценка человека по его богатству, причем совершенно неважно, каким способом это богатство получено. Работать при этом зачастую «стыдно», почетно быть богатым или «делать деньги». Государство выступает одной из разновидностей «бизнеса», его роль сводится к сборам налогов и выполнению разного рода «грязной работы» как внутри страны, так и вне ее. Доминирование присваивающей цивилизации приводит к разрушению и духовной агрессии. Напротив, основа производящей цивилизации — это труд. Именно он является мерилем богатства и роли человека в обществе. Целью производящей цивилизации является совершенствование человека и общества, их духовное развитие, которые достигаются эволюционным путем, без жертв и революций. Государство играет ключевую роль в данном типе цивилизации. Это верховный арбитр как в экономических, так и во внеэкономических отношениях между людьми. Эта цивилизация не агрессивна, она направлена прежде всего внутрь самого общества, а с внешним миром проводит политику мирного сосуществования¹⁷.

Процесс институализации новой утопии будет представлять собой переход от присваивающего типа цивилизации к некоему переходному по отношению к производящему типу. Как справедливо писал Ф. Майор — испанский ученый, политик, государственный деятель, писатель и поэт (род. 1934), на протяжении 12 лет (с 1987 г.) был генеральным директором ЮНЕСКО, — «утопия нашего времени означает право всякого человека выходить за пределы настоящего, совершенствоваться и конструктивно влиять на окружающий мир. Такая утопия доступна для всех. Она становится долгом всех жителей планеты, а в особенности тех, кому посчастливилось родиться и вырасти в благополучной среде. Она обязывает действовать, проецировать себя в будущее, ломать рамки сложившегося порядка вещей, изо дня в день улучшать собственную жизнь и помогать другим улучшить свою. Утопия нашего времени не имеет ничего общего с обещаниями создать рай на земле. Она не имеет ничего общего и с отрицанием прошлого»¹⁸.

Становление утопии в России и ее регионах

Безусловно, современный цивилизационный выбор будущего России многовариантен и не исчерпывается лишь двумя альтернативными типами цивилизаций — присваивающей и производящей. Судя по результатам исследований, проведенных по методике «Социокультурный портрет региона» более чем в 30 регионах страны, Россия представляет собой совокупность различных субцивилизаций, часть из которых в определенной мере совпадает с границами ряда федеральных округов. Соответственно, процессы перехода от

современной антиутопии к новой утопии в разных регионах России (как, впрочем, и ее социокультурная специфика в различных регионах и субрегионах) будут неодинаковы и асинхронны. Очевидно, некоторые «отстающие» территории могут существенно тормозить процесс общих социокультурных изменений в нашей стране. Поэтому важно, чтобы эти изменения реализовывались централизованно и на основе единого государственного управления, учитывающего как интересы страны в целом, так и интересы ее отдельных регионов и субрегионов. В качестве одного из методологических инструментов для этого может быть использован диатропический подход (как известно, его название произошло от греч. *diatropos* – разнообразный) – учение о разнообразии и его закономерностях¹⁹, который позволит создать инструменты как для учета специфики различных территориальных общностей, так и для согласования их интересов. На этой основе может быть осуществлено эффективное управление такими важными аспектами социокультурных изменений, как институализация утопии в различных регионах страны, которая не противоречит общему тренду ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лапин Н.И.* Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5 – 10; *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3 – 18.; *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып. 10. – М.: Институт социологии РАН; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 245; *Маркин В.В.* Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 7 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 229 – 249; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2013.; Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад / руков. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010; *Немировский В.Г., Немировская А.В., Хамидуллина К.Р.* Социокультурные барьеры модернизации Восточной Сибири (на примере Красноярского края и Республики Хакасия) // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 34 – 41.

² *Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3 – 12; *Лапин Н.И.* Социокультурный подход к изучению эволюции России и ее регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. С. 15 – 40 и др.

³ *Nemirovskiy V.* The interdisciplinary perspectives of the contemporary post-non-classical sociology // International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2007. Vol. 1. P. 65 – 77; *Немировский В.Г.* Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13 – 19; *Труфанов Д.О.* Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсумный) подход // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 60 – 79.

⁴ *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.; *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М., 1999; *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность //

Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5 – 17; Наука и социальная картина мира: сб. ст.: к 80-летию академика В.С. Степина / ред. В.И. Аршинов, И.Т. Касавин. – М.: Альфа-М, 2014. и др.

⁵ Исследования проведены при финансовой поддержке РГНФ: 2010 г. – проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края»; 2011 – 2012 гг. – проект № 11-03-00250а «Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае»; 2013 – 2015 гг. – № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

⁶ *Duvaud G. Sociologie de l'utopie.* – Paris: PUF, 1961.

⁷ *Аинса Ф. Реконструкция утопии.* – М., 1999. С. 62.

⁸ *Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции.* – М., 2010. С. 121 – 173.

⁹ *Штена В. Утопия.* – Екатеринбург, 2004. С. 37 – 38.

¹⁰ *Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии.* 1993. № 3. С. 58.

¹¹ Смирнова Ю.Д. Утопия как форма осуществления действительности человека // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 1. 2012. С. 168.

¹² Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2013.

¹³ *Лапин Н.И. Антропный подход к регулированию неравновесных социокультурных систем // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014. Москва 16 – 19 июня 2014 г. – URL: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/procdngs/7773.pdf>.* С. 7780.

¹⁴ Там же. С. 7782.

¹⁵ *Подберезкин А., Коровников А. Россия и глобализация.* – М.: Финансовый контроль, 2003. С. 50 – 58.

¹⁶ *Немировский В.Г., Логвинов А.М., Стариков П.А. От конфронтации к социальному партнерству // Социальные и социально-психологические факторы развития социального партнерства в Красноярском крае: результаты социологического исследования.* – Красноярск, 2002. С. 36.

¹⁷ *Цербаков А.В. Исторический материализм и конфликт цивилизаций // Что есть Россия – система, застрявшая в трансформационных социально-экономических сетях, или особая цивилизация. Материалы постоянно действующего научного семинара «Россия и человечество: проблемы миростроительства». Вып. 7. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.* – М., 2011. С. 56 – 57.

¹⁸ *Майор Ф. Желать невозможного. Предисловие // Аинса Ф. Реконструкция утопии.* С. 11.

¹⁹ *Чайковский Ю.В. Диатропика, эволюция и систематика.* – М.: КМК, 2010.

REFERENCES

Ainsa F. *La Reconstruction de l'utopie.* Moscow, Editions UNESCO, 1999. 207 p. (trans. in Russian).

Duvaud G. *Sociologie de l'utopie.* Paris: PUF, 1961. 193 p.

Is Russian Society Ready for Modernization: an Analytical Report. Gorshkov M.K. (ed.). Moscow, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, The Friedrich Ebert Foundation in the Russian Federation, 2010 (in Russian).

Лапин Н.И. Social and Cultural Factors for Stagnation and Modernization in Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011. Vol. 9, pp. 3-18 (in Russian).

Лапин Н.И. Socio-cultural Approach and the Societal and Functional Structures. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2000. Vol. 7, pp. 3-12 (in Russian).

Лапин Н.И. Socio-cultural Approach to the Study of the Evolution of Russia and Its Regions. *Regions in Russia: Socio-cultural Portraits of the Regions in the National Context.* N.I. Lapin, L.A. Belyaeva (eds.). Moscow, 2009, pp. 15-40 (in Russian).

Lapin N.I. The Anthropic Approach to the Regulation of Non-equilibrium Socio-cultural Systems in the Proceedings of the 12th All-Russian Meeting on the Issues of Governance – 2014. Moscow, 16 – 19 June, 2014. Available at: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/7773.pdf> (in Russian).

Lapin N.I. Topical Theoretical and Methodological Aspects of the Research of Russian Modernization. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015. Vol. 1, pp. 5-10 (in Russian).

Magun V.S., Rudnev M.G. Basic Values 2008: Similarities and Differences Between the Russians and Other Europeans in Russia Reformed: Yearbook 2011. M.K. Gorshkov (ed.) Vol. 10. Moscow, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg, Nestor Istoriya Publishing House, 2011, pp. 244-280 (in Russian).

Markin V.V. Regional Sociology: the Problems of Social identification and Modeling of the Russian Regions in Russia Reformed: Yearbook 2011. M.K. Gorshkov (ed.) Vol. 7. Moscow, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg, Nestor Istoriya, 2008, pp. 229-249 (in Russian).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Russia in the Search of Utopias. From The Moral Collapse to The Moral Revolution*. Moscow, Ves' Mir, 2010. 265 p. (in Russian).

Mayor F. To Want the Impossible. Preface. in: *Ainsa F. La Reconstruction de L'utopie*. Moscow, Editions UNESCO, 1999, pp. 7-12 (trans. in Russian).

Nemirovskiy V.G. Mass Consciousness and Unconsciousness as the Object of the Post-non-classical Sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2006. Vol. 2, pp. 13-19 (in Russian).

Nemirovskiy V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-non-classical Sociology. *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. 2007. Vol. 1. P. 65-77.

Nemirovskiy V.G., Logvinov A.M., Starikov P.A. From Confrontation to Social Partnership. *Social and Socio-psychological Factors for the Development of Social Partnership in the Krasnoyarsk Region: the Results of Sociological Research*. Krasnoyarsk, 2002 (in Russian).

Nemirovskiy V.G., Nemirovskaya A.V., Khamidullina K.R. Social and Cultural Barriers to the Modernization of the Eastern Siberia (on the Example of the Krasnoyarsk Region and the Republic of Khakassia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2012. Vol. 9, pp. 34-41 (in Russian).

Podberezkin A., Korovnikov A. *Russia and Globalization*. Moscow, Simon-Press, 2003. 80 p. (in Russian).

Problems of Social and Cultural Modernization of Russian Regions. N.I. Lapin. L.A. Belyaeva (eds.). Moscow, Academia, 2013. 416 p. (in Russian).

Scherbakov A.V. Historical Materialism and the Conflict of Civilizations. *What is Russia – a System Stuck in the Transformation of Social and Economic Networks, or a Specific Civilization?* Proceedings of the Permanent Academic Seminar “Russia and the Humanity: the Issues of Peace-building”. Vol. 7. The Center for Problem Analysis and Public Management Design. Moscow, 2011 (in Russian).

Science and social picture of the world: Collection of articles for the 80th Anniversary of Academician V.S. Stepin. Arshinov V.I., Kasavin I.T. (eds.). Moscow, Alfa-M, 2014. 767 p. (in Russian).

Shtepa V. RUtopia. Ekaterinburg, Ultra, Cultura, 2004. 384 p. (in Russian).

Smirnova Yu.D. Utopia as a Form of the Human Reality. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. (The Proceedings of the Kazan University. The Humanities). Vol. 154. Book 1. 2012, pp. 166-172 (in Russian).

Sorokin P. Man and Society in the Face of Adversity (Fragments of a Book). *Voprosy Sotsiologii*. 1993. Vol. 3, pp. 53-59 (in Russian).

Stepin V.S. Self-developing Systems and Post-non-classical Rationality. *Voprosy Filosofii*. 2003. Vol. 8, pp. 5-17 (in Russian).

Stepin V.S. *Theoretical Knowledge*. Moscow, 1999. 390 p. (in Russian).

Stepin V.S., Kuznetsova L.F. *The Scientific Picture of the World in the Culture of the Industrial Civilization*. Moscow, 1994. 274 p. (in Russian).

Tchaikovskiy Yu.V. *Diatropika, Evolution, and Systematics. On the anniversary of Meyena*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2010. 408 p. (in Russian).

Trufanov D.O. Rationality as a Sociological Problem. The Post-non-classical (universuum) Approach. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2013. Vol. 4, pp. 60-79 (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена роли и месту регионов в процессах перехода от сложившейся в России неолиберальной антиутопии к новой, пока четко не сформированной утопии. Утопия рассматривается как социокультурный феномен, имеющий выраженную региональную специфику. Показано, что состояние современной социокультурной системы в России, понимаемое как антиутопия, является серьезным тормозом на пути модернизации и новой индустриализации страны. Выявляются возможные черты новой утопии, институционализирующейся в современной России.

Ключевые слова: модернизация, социальная утопия, социальная антиутопия, социокультурные процессы, регионы, постнеклассическая социология.

Summary

The paper focuses on the role and the place of regions in the process of transition from the current neo-liberal anti-utopia in Russia to a new, not yet clearly manifested utopia. Utopia is regarded as a social and cultural phenomenon with strong regional specificities. It is shown that the current state of Russia's socio-cultural system, understood as a dystopia, is a serious obstacle to the modernization and industrialization of the country. The paper discusses possible features of a new utopia, which is being institutionalized in modern Russia.

Keywords: modernization, social utopia, social anti-utopia, socio-cultural processes, regions, post-non-classical sociology.